

1001 ночь.

Рассказ об Аджибе и Гарибе

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 624-630](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 631-637](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 638-644](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 645-651](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 652-658](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 659-665](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 666-672](#)

[Рассказ об Аджибе и Гарибе, ночи 673-680](#)

Дошло до меня также, что был в древние времена царь из великих царей по имени царь Кондемир. И был это царь доблестный и вождь неодолимый, но только был он дряхлым, престарелым старцем. И наделил его Аллах великий, уже одряхлевшего, ребенком мужского пола. И назвал его царь Аджибом [514] из-за его красоты и прелести и отдал его повитухам, кормилицам, рабыням и наложницам, и ребенок рос и становился большим, и достиг он семи полных лет и годов.

И тогда отец назначил ему волхва из людей его веры и религии, и тот обучал мальчика в течение трех полных лет их закону и нечестию и тому, что нужно было знать, пока мальчик не стал сведущим, и не окрепла его решимость, и не стали здоровыми его мысли. И вырос он знающим, красноречивым, восхваляемым философов, и вступал в прения с учеными, и сиживал с мудрецами. И когда его отец увидел это, он остался доволен. А потом он научил Аджиба ездить на конях, ранить копьем и бить мечом, и стал Аджиб доблестным наездником, с пока не исполнилось еще его жизни десять лет, как он превзошел людей своего времени во всех вещах и узнал способы боя и сделался упорным притеснителем и непокорным шайтаном. И, отправляясь на охоту и ловлю, он выезжал во главе тысячи всадников и совершал нападения на витязей и пересекал дороги и забирал в плен дочерей царей и начальников, и умножились жалобы на него его отцу.

И царь кликнул пятерых рабов и, когда они явились, сказал им: "Схватите этого пса!" И слуги бросились на Аджиба и скрутили его, и царь велел его побить, и его били, пока мир не исчез для него, и тогда царь заточил его в комнате, где нельзя было отличить неба от земли и длины от ширины.

И Аджиб провел два дня и ночь в заточении, и тогда эмиры подошли к царю и, поцеловав перед ним землю, стали ходатайствовать за Аджиба и царь выпустил его. И Аджиб выждал десять дней и вошел к отцу ночью, когда, он спад, и ударил его и скинул ему голову, а когда взошел день, Аджиб сел на престол царства своего отца И приказал людям встать перед ним и облачиться в сталь и обнажить мечи, и поставил их справа и слева. Некогда вошли эмиры и предводители, они увидали, что их, царь убит, а его сын сидит на престоле царства, и смутились их умы, и Аджиб сказал им: "О люди, вы видели, что случилось с вашим царем. Кто будет мне повиноваться, тому окажу уважение, а кто меня ослушается, с тем я сделаю то же, что с отцом".

И, услышав его слова, эмиры испугались, что он их схватит, и сказали: "Ты наш царь и сын нашего царя". И они повелевали землю меж рук Аджиба и Аджиб поблагодарил их и обрадовался и велел выносить деньги и материи, и затем он наградил эмиров великолепными одеждами и осыпал их деньгами, и все они полюбили его и выразили ему покорность. И Аджиб наградил наместников и шейхов кочевых арабов, и непослушных ему, и послушных, и подчинились ему страны, и покорились ему рабы, и он управлял и приказывал и запрещал в течение пяти месяцев.

И однажды он увидел во сне видение и проснулся, испуганный и уstraшенный, и сон не брал его, пока не наступило утро, и тогда Аджиб сел на престол, и войска встали перед ним справа и слева, и Аджиб призвал изъяснителей и звездочетов и сказал им: "Растолкуйте мне этот сон!" – "А что за сон ты видел, о царь?" – спросили его. И он сказал: "Я видел, будто мой отец передо мной, и его уд обнажился, и вышло из него что-то величиной с пчелу и стало увеличиваться, пока не сделалось подобно большому льву с когтями, точно кинжалы. И я испугался этого существа, и пока я дивился на него, оно вдруг бросилось на меня и ударило меня когтями и прорвало мне брюхо, и я проснулся, испуганный и уstraшенный".

И изъяснители посмотрели друг на друга и подумали, какой дать ответ, а потом они сказали: "О великий царь, этот сон указывает, что от твоего отца родился младенец, и возникнет между вами вражда, и он тебя одолеет. Прими же предосторожности по причине этого сна".

И когда Аджиб услышал слова изъяснителей, он сказал: "У меня нет брата, которого я боялся бы, и ваши слова – ложь". – "Мы рассказали лишь о том, что знали", – ответили изъяснители. И Аджиб разгневался на них и побил их.

И он поднялся, и вошел во дворец своего отца, и осмотрел его наложниц, и нашел среди них одну рабыню, беременную уже семь месяцев, и тогда он приказал двум рабам из своих рабов: "Возьмите эту невольницу, пойдите с ней к морю и утопите ее". И рабы взяли невольницу за руку и пошли с ней к морю и хотели ее утопить, но, посмотрев на нее, они увидели, что она на редкость красива и прелестна, и сказали: "Зачем нам топить эту невольницу – мы отведем ее в рощу и будем там жить в удивительном сводничестве!"

И они взяли невольницу и шли с ней дни и ночи, так что отдалились от населенных мест, и отвели ее в рощу, где было много деревьев, и плодов, и каналов. И их решение сошлось на том, чтобы удовлетворить с рабыней желание, и каждый из них говорил: "Я сделаю раньше!" И они стали спорить, и вдруг вышли к ним люди из чернокожих, и они обнажили мечи и бросились на рабов, и началось между ними сильное сражение и бой мечами и копьями. И они до тех пор сражались с рабами, пока не убили их, быстрее, чем в мгновение ока. А невольница стала бродить по роще одна, питаясь плодами, и пила она из рек, и пребывала в таком положении, пока не родила мальчика, смуглого, изящного и прекрасного, которого назвала Гарибом [515], так как он был на чужбине. И она оборвала младенцу пуповину, и завернула его в часть своей одежды, и стала его кормить, грустя сердцем и душой о своем прежнем величии и изнеженности..."

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать пятая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что невольница осталась в роще, грустя сердцем и душой, и принялась кормить своего сына, несмотря на охватившую ее крайнюю печаль и страх из-за ее одиночества. И когда она была в некий день в таком состоянии, она вдруг увидела всадников и пеших людей с соколами и охотничьими собаками. А кони их были нагружены журавлями, цаплями, иракскими гусями, нырками, водяными птицами, зверями, зайцами, газелями, дикими коровами, птенцами страуса, рысями, волками и львами.

И это были арабы, которые вошли в рощу. И они увидели ту невольницу и у нее на коленях сына, которого она кормила, и приблизились к ней и спросили: "Ты из людей или из джиннов?" – "Из людей, о начальники арабов", – ответила невольница. И охотники осведомили об этом своего предводителя, а его звали Мирдас, начальник племени Кахтан [516]. И он выехал на охоту с пятью сотнями эмиров из своих соплеменников и родичей, и они охотились до тех пор, пока не наткнулись на эту невольницу.

И когда они увидали ее, невольница рассказала им о том, что с ней случилось, с начала до конца, и царь удивился ее делу и кликнул своих

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

соплеменников и родичей, и они охотились до тех пор, пока не достигли становища племени Кахтан.

И Мирдас взял невольницу, и отвел ей отдельное помещение, и приставил к ней пять рабынь, чтобы служить ей, – а он полюбил ее сильной любовью. И он вошел к ней и познал ее, и она понесла с первой крови. И когда кончились ее месяцы, она родила мальчика и назвала его Сахим–аль–Лайлы. И он воспитывался среди повитух вместе со своим братом, пока не вырос и не стал разумен опекаемый эмиром Мирдасом.

И эмир отдал обоих мальчиков факиху, и тот обучил их делам веры, а после этого эмир отдал их витязям арабов, и научил разить копьем и рубить мечом и метать стрелы. И не исполнилось еще мальчикам пятнадцати лет, как они научились тому, что было им нужно, и превзошли всех храбрецов в стране, и Гариб нападал на тысячу витязей, и его брат Сахим–аль–Лайль тоже.

А у Мирдаса было много врагов, но его арабы были храбрее всех арабов, и все они были герои и витязи, и нельзя было греться у их огня [517].

А в соседстве с ним жил эмир из эмиров арабов по имени Хассан ибн Сабит, который был ему другом. И Ын посватался к одной из знатных женщин своего племени и пригласил всех своих товарищей и в числе их Мирдаса, начальника племени Кахтан. И Мирдас согласился, и взял с собой триста всадников из своего племени, и оставил четырехста всадников охранять гарем, и поехал, и прибыл к Хассану. И тот встретил его и посадил на самом лучшем месте. И все витязи приехали ради свадьбы, и Хассан устроил пир и веселился на своей свадьбе, а потом арабы уехали к своим жилищам.

Когда Мирдас подъехал к своему стану, он увидел двух убитых, и птицы парили над ними справа и слева. И сердце Мирдаса встревожилось, и он вошел в стая, и встретил его Гариб, одетый в кольчугу, и поздравил с благополучием. "Что значат эти обстоятельства, о Гариб?" – спросил его Мирдас. И Гариб ответил: "Напал на нас аль–Хамаль ибн Маджид со своими людьми, во главе пятисот всадников".

А причиной этой стычки было вот что: у эмира Мирдаса была дочь по имени Махдия, лучше которой не видел видящий. И услышал о ней аль–Хамаль, начальник племени Бену–Набхан. И он сел на коня во главе пятисот всадников, и отправился к Мирдасу, и посватался к Махдни, но Мирдас не принял его сватовства и воротил альХамалю обманувшимся. И аль–Хамаль выслеживал Мирдаса, пока тот не отлучился, приглашенный Хассаном. И тогда аль–Хамаль сел на коня во главе своих храбрецов, напал на племя Кахтан и убил множество витязей, а остальные храбрецы убежали в горы. А Гариб и брат его выехали с сотней конных на охоту и ловлю и вернулись не прежде, чем наступил полдень, и они увидели, что альХамаль и его люди овладели станом и тем, что в нем было, и захватили женщин. И аль–Хамаль захватил Махдию, дочь Мирдаса, и угнал ее среди пленных. И когда Гариб увидел это, его рассудок исчез, и он крикнул своему брату Сахим–аль–Лайлю: "О сын проклятой, он разграбил наш стан и захватил наш гарем! На врагов! Освободим пленных и женщин!"

И Сахим с Гарибом понеслись на врагов, во главе сотни всадников, и гнев Гариба все возрастал, и он косил головы и заставлял храбрецов пить гибель чашами. И он достиг аль–Хамалю и увидел Махдию пленной. И тогда он понесся на аль–Хамалю и ударил его копьем и свалил с коня, и не наступило еще предзакатное время, как он перебил большинство врагов, а остальные убежали.

И Гариб освободил пленных и возвратился к палаткам, неся голову аль–Хамалю на копье, и он говорил такие стихи:

"Я тот, кто всем известен в день сраженья,

И джинн земной боится моей тени.

Когда мечом взмахну рукой я правой,

То смерть из левой быстро поражает.

Мое копье – коль на него посмотрят,

Увидят там зубцы, как полумесяц.

Зовусь Гарибом я, храбрец в кочевье,

И не боюсь, когда людей немного".

И не окончил еще Гариб своих стихов, как прибыл Мирдас и увидел убитых, над которыми парили птицы, справа и слева. И улетел тогда его разум, и задрожало у него сердце. Но Гариб утешил его и поздравил с благополучием, и рассказал обо всем, что постигло стан после его отъезда. И Мирдас поблагодарил сына за то, что он сделал, и воскликнул: "Не обмануло в тебе воспитание, о Гариб!"

И Мирдас расположился у себя в шатре, и начали жители стана восхвалять Гариба, говоря: "О эмир наш, если бы не Гариб, никто не спасся бы в стане". И Мирдас поблагодарил его за то, что он сделал..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать шестая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Мирдас вернулся в стан, его люди пришли к нему и стали восхвалять Гариба, и Мирдас поблагодарил сына за то, что он сделал. А когда Гариб узнал, что аль–Хамаль забрал Махдию в плен, он освободил ее и убил аль–Хамалю, и девушка метнула в Гариба стрелами взоров, и он попался в сети любви, и сердце его ее не забывало. И он утонул в любви и страсти, и покинула его сладость сна, и не наслаждался он ни питьем, ни едою, и он пускал своего коня вскачь и взбирался на горы и говорил стихи и возвращался к концу дня, и стали видны на нем следы любви и безумной страсти. И он открыл свою тайну одному из товарищей, и она распространилась по всему стану и дошла до Мирдаса. И тот стал метать молнии и громы, и вставать, и садиться, и храпеть, и хрипеть, и бранить солнце и луну, и воскликнул: "Вот возмездие тому, кто воспитывает детей разврата! Но если я не убью Гариба, покроет меня позор!"

И затем он посоветовался с одним из разумных мужей своего племени об убиении Гариба и открыл ему свою тайну, и тот сказал: "О эмир, он вчера освободил твою дочь из плена, и если его убиение неизбежно, исполни его рукою другого, чтобы не усомнился в тебе никто". – "Придумай хитрость, чтобы убить его, я узнаю, как его убить, только от тебя", – сказал Мирдас. И его советник молвил: "О эмир, выследи, когда он выедет на охоту и ловлю, возьми с собою сотню конных и устрой засаду в пещере. Не давай Гарибу этого заметить, пока он не подъедет, а тогда нападай на него и изруби. Так ты снимешь свой позор". – "Вот правильное мнение!" – воскликнул Мирдас.

И он выбрал из своих людей сто пятьдесят всадников, могучих амалекитян [518], и стал их наставлять и подстрекать к убийству Гариба. И он выслеживал юношу, пока тот не выехал поохотиться и не удалился в долины и горы. И Мирдас поехал со своими грозными всадниками и устроил засаду на пути Гариба, чтобы, когда тот будет возвращаться с охоты, напасть на него и убить.

И когда Мирдас со своими людьми притаился между деревьями, вдруг напали на них пятьсот амалекитян, убили из них шестьдесят, девяносто взяли в плен, а Мирдаса скрутили.

А причиною этого было вот что: когда был убит альХамаль и его люди, те, кто уцелел, обратились в бегство и бежали до тех пор, пока не достигли его брата. И тогда они осведомили его о том, что случилось, и поднялся в нем гнев, и он собрал амалекитян и выбрал из них пятьсот человек, вышиною каждый в пятьдесят локтей, и отправился отомстить за своего брата. И он наткнулся на Мирдаса и его

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

храбрецов, и случилось между ними то, что случилось. Забрав Мирдаса и его людей в плен, брат аль–Хамалья со своими людьми спешился и приказал им отдыхать и сказал: "О люди, идолы облегчили нам отмщенье. Сторожите же Мирдаса и его людей, пока я не уведу их и не убью самым ужасным убиением".

И Мирдас увидел себя связанным и стал раскаиваться в том, что сделал, и сказал: "Вот воздаяние за вероломство!"

И люди заснули, радуясь победе, а Мирдас и его товарищи были связаны, они потеряли надежду на жизнь и убедились в своей смерти.

Вот что было с Мирдасом. Что же касается Сахим–альЛайля, то он вошел к своей сестре Махдии, раненый, и она поднялась, встречая его, и поцеловала ему руки и сказала: "Да не отсохнут твои руки, и да не порадуются твои враги! Если бы не ты с Гарибом, мы не освободились бы из вражеского плена. Знай, о брат мой, что твой отец выехал со ста пятьюдесятью всадниками, и он хочет убить Гариба. А ты знаешь, что Гариб будет убит напрасно, так как он сохранил вашу честь и освободил ваше имущество".

И когда услышал Сахим эти слова, свет стал мраком перед его лицом, и он надел доспехи войны и, сев ни коня, направился к тому месту, где охотился его брат. И он увидел, что Гариб убил много дичи, и подошел к нему и поздоровался и сказал: "О брат мой, неужели ты выезжаешь, не уведомив меня?" – "Клянусь Аллахом, – ответил Гариб, – меня удержало от этого лишь то, что я увидел тебя раненым и хотел, чтобы ты отдохнул". – "О брат мой, остерегайся моего отца", – молвил Сахим. И потом он рассказал Гарибу обо всем, что случилось, и о том, что его отец выехал со ста пятьюдесятью всадниками, которые хотят его убить. "Да обратит Аллах его козни против его горла!" – воскликнул Гариб. И Гариб с Сахимом повернули обратно, направляясь к своему стану. И над ними опустился вечер, и они не сходили со спин коней, пока не подъехали к долине, где были те люди. И тогда они услышали ржанье коней во мраке ночи, и Сахим сказал: "О брат мой, это мой отец и его люди притаились в этой долине. Отъедем же от долины в сторону". И Гариб сошел с коня и, бросив поводья своему брату, сказал: "Стой на месте, пока я не вернусь к тебе". И пошел и увидел тех людей, и оказалось, что они не из его стана. И Гариб услышал, что они упоминают о Мирдасе и говорят: "Мы убьем его только в нашей земле". И он понял, что Мирдас лежит у них связанный, и воскликнул: "Клянусь жизнью Махдии, я не уйду, пока не освобожу ее отца, и не буду ее огорчать!"

И он до тех пор искал Мирдаса, пока не нашел его, – а он лежал связанный веревками. И тогда Гариб сел подле него и сказал: "Да спасешься ты, о дядюшка, от этого позора и уз!" И когда Мирдас увидел Гариба, разум вышел из него, и он воскликнул: "О дитя мое, я под твоей защитой! Освободи меня по долгу воспитания". – "Когда я тебя освобожу, ты отдашь мне Махдию?" – спросил Гариб. И Мирдас сказал: "О дитя мое, клянусь тем, во что я верю, ода будет твоя, пока длится время!"

И тогда Гариб развязал его и сказал: "Иди к коням, твой сын Сахим там". И Мирдас ускользнул и пришел к своему сыну Сахиму, и тот обрадовался ему и поздравил его со спасением. А Гариб развязывал одного человека за другим, пока не развязал девяносто всадников и все они оказались далеко от врагов. И Гариб прислал им доспехи и коней и сказал: "Садитесь на коней и рассыптесь, окружая врагов, и кричите, и пусть ваш крик будет: "О семья Кахтана!" А когда враги очнутся, отдалитесь от них и рассыптесь вокруг них".

И Гариб выждал до последней трети ночи и закричал: "О семья Кахтана!" И его люди тоже закричали единым криком: "О семья Кахтана!" И горы ответили им, и врагам показалось, что эти люди на них набросились. И все они схватили оружие и накнулись друг на друга..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать седьмая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда люди аль–Хамалья пробудились от сна и слышали, как Гариб и его люди кричат: "О семья Кахтана!", – им показалось, что – племя Кахтана напало на них, и они выхватили оружие и кинулись убивать друг друга. И Гариб со своими людьми отошел назад, а враги его не переставали избивать друг друга, пока не взошел день. И тогда Гариб, Мирдас и его девяносто храбрецов понеслись на уцелевших врагов и перебили из них множество, а остальные обратились в бегство.

И сыны Кахтана захватили разбежавшихся коней и приготовленные доспехи и отправились к себе в стан, и не верилось Мирдасу, что он освободился от врагов. И они ехали до тех пор, пока не прибыли в стан, и оставшиеся " стане встретили их и обрадовались их спасению. И прибывшие расположились в шатрах, и Гариб расположился у себя в палатке, и юноши из стана собрались подле него, и приветствовали его и большие и малые. И когда Мирдас увидел Гариба, окруженного юношами, он возненавидел его еще больше, чем прежде, и, обратившись к своим приспешникам, сказал им: "Увеличилась в моем сердце ненависть к Гарибу, и огорчает меня, что эти люди собрались вокруг него. А завтра он потребует у меня Махдию".

И сказал тогда Мирдасу его советник: "О эмир, потребуй от него того, чего он не может сделать". И Мирдас обрадовался. И он проспал ночь до утра, а утром он сел на свое место, и арабы окружили его, и пришел Гариб со своими людьми, окруженный юношами, и, подойдя к Мирдасу, поцеловал землю меж его рук, и Мирдас обрадовался и встал перед ним и посадил его рядом с собою. "О дядюшка, – сказал Гариб, – ты дал мне обещание, исполни же его". – "О дитя мое, – отвечал Мирдас, – она будет твоя, пока длится время, но только у тебя мало денег". – "О дядюшка, – сказал Гариб, – требуй чего хочешь. Я буду делать набеги на эмиров арабов в их землях и становищах и на царей в их городах и принесу тебе деньги, которые заполнят землю от края и до края". – "О дитя мое, – сказал Мирдас, я поклялся всеми идолами, что отдам Махдию только тому, кто за меня отомстит и снимет с меня позор!" И Гариб спросил его: "Скажи мне, о дядюшка, кому из царей ты должен отомстить, и я отправлюсь к нему и сломаю его престол об его голову". – "О дитя мое, – ответил Мирдас, – у меня был сын, храбрец из храбрецов, и он выехал с сотнею храбрецов, желая половить и поохотиться, и переезжал из долины в долину, и удалился в горы. И он достиг Долины Цветов и Дворца Хама, сына Шиса, сына Шеддада, сына Халида [519], а в этом месте, о дитя мое, живет один человек, черный, длинный, длиною в семь локтей, и он дерется деревьями – вырывает дерево из земли и дерется им. И когда мой сын достиг этой долины, к нему вышел этот великан и погубил его и сотню его всадников, и спаслись из них лишь трое храбрецов, которые пришли и рассказали нам о том, что случилось. И я собрал храбрецов и отправился сразиться с великаном, но мы не могли одолеть его, и я удручен и хочу отомстить за моего сына, и я поклялся, что отдам дочь в жены только тому, кто отомстит за моего сына".

И, услышав слова Мирдаса, Гариб сказал: "О дядюшка, я отправлюсь к этому амалекитянину и отомщу за твоего сына с помощью Аллаха великого!" И Мирдас молвил: "О Гариб, если ты его одолеешь, ты захватишь у него сокровища и деньги, которых не пожрут огни". – "Засвидетельствуй, что женишь меня, чтобы мое сердце стало сильным, и я пойду искать своего надела", – сказал Гариб. И Мирдас признал это и взял в свидетели старейшин стана.

И Гариб ушел, радуясь осуществлению надежд, и вошел к своей матери и рассказал, чего ему удалось достигнуть, и его мать молвила: "О дитя мое, знай, что Мирдас тебя ненавидит, и он посылает тебя к этой горе только для того, чтобы лишить меня звуков твоего голоса. Возьми меня с собой и уезжай из земли этого обидчика". – "О матушка, – сказал Гариб, – я не уеду, пока не достигну желаемого и не покорю своего врага".

И Гариб проспал всю ночь, а когда наступило утро я заснял свет и заблестало солнце, он едва успел сесть на коня, как пришли его друзья–юноши, – а их было двести могучих витязей, и они были в военных доспехах, и закричали Гарибу: "Поезжай с нами, мы тебе поможем и будем тебя развлекать в дороге". И Гариб обрадовался им и сказал: "Да воздаст вам Аллах за нас благом! – И молвил: "Поезжайте, о друзья мои!"

И Гариб со своими товарищами ехал первый день и второй день, а затем, к вечеру, они спешили под высокой горой и задали коням корму. И Гариб скрылся от других я пошел к горе и шел до тех пор, пока не пришел к пещере, в которой был виден свет. И он оказался в середине пещеры и увидел там старика, которому было триста сорок лег жизни, и брови закрывали ему глаза, а усы закрывали ему рот. И когда Гариб посмотрел на этого старца, он почувствовал к нему уважение и удивился огромности его тела, а старец сказал ему: "О дитя мое, ты как будто из нечестивых, которые поклоняются камням вместо всевластного владыки, творца ночи и дня и вращающегося небосвода". И когда услышал Гариб слова старца, у него задрожали поджилки, и он спросил: "б старец, где находится этот владыка, чтобы я

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

мог ему поклониться и насладиться лицезрением его?" – "О дитя мое, – отвечал старец, – этого великого владыку не видит никто в мире, а он видит, но невидим, и пребывает, он в вышнем обиталище. Он присутствует во всяком месте, во следах содеянного им, он – создатель созданий, промыслитель времен, и сотворил он людей и джиннов и послал пророков, чтобы вывести людей на правильный путь. Тех, кто ему покорен, вводит он в рай, а тех, кто ему не повинуется, вводит в огонь". – "О дядюшка, – сказал Гариб, а что говорят те, кто поклоняется этому великому господу, который властен во всякой вещи?" – "О сынок, – ответил ему старей" – я из племени адитов, которые были преступны в землях, и стали они нечестивы, и послал к ним Аллах пророка на имени Худ, но они объявили его лжецом, и погубил их Аллах бесплодным ветром. А я уверовал, вместе с толпой людей из моего народа, и мы спаслись от наказаний. И жил я при самудянах [520] и при том, что случилось у них с их пророком Салихом, и послал Аллах великий после Салиха пророка по имени Ибрахим [521], друг Аллаха, к Нимруд, сыну Канана, и случилось у него с ним то, что случилось. И умерли мои родичи, которые уверовали, и стал я поклоняться Аллаху в этой пещере, и Аллах велик он! – наделяет меня тем, на что я не рассчитываю". – "О дядюшка, сказал Гариб, – что мне сказать, чтобы стать одним из приверженцев этого великого господя?" – "Скажи: нет бога, кроме Аллаха, Ибрахим–друг Аллаха!" [522] – молвил старец. И Гариб предался Аллаху сердцем и умом [523].

"Утвердилась в сердце твоём сладость ислама и веры", – сказал тогда старец. И он научил Гариба некоторым предписаниям и кое-чему из содержания свитков и спросил его: "Как твое имя?" – "Мое имя – Гариб", – отвечал юноша, и старец молвил: "А куда ты направляешься, о Гариб?" И Гариб рассказал ему о том, что с ним случилось, от начала до конца, и дошел до истории горного гуля [524], в поисках которого он пришел..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать восьмая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Гариб, приняв ислам, рассказал старцу обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и дошел до истории гуля с гор, в поисках которого он пришел сюда. И тогда старик сказал ему: "О Гариб, разве ты одержимый, что идешь к горному гулю один?" – "О владыка, со мною двести всадников", – сказал Гариб. И старик воскликнул: "О Гариб, будь с тобою и десять тысяч всадников, ты бы с ним не справился!" – "Его имя – "Гуль, что ест людей" (просим у Аллаха спасения!), и он из потомства Хама. Его отец – Хинди, который населил Индию, и по нему эта земля названа. Он оставил Гуля после себя и назвал его Садан–аль–Гуль, и стал он, о дитя мое, упорным притеснителем и непокорным шайтаном, для которого нет другой еды, кроме сынов Адама. И отец перед смертью запрещал ему это, но он не внял запрещению и стал еще более преступен, и тогда отец выгнал его и изгнал из земель Индии после войн и великих тягот. И он пришел в здешнюю землю и укрепился в ней и стал жить, пересекая дороги и приходящему и уходящему, а потом возвращается в свое жилище в этой долине. И досталось ему пятеро сыновей, толстых и могучих, – каждый из них нападает один на тысячу богатырей, – и собрал он деньги, и добычу, и коней, и верблюдов, и коров, которые заполнили долину. И я боюсь за тебя из–за этого гуля и прошу Аллаха великого поддержать тебя против него словами единобожия. Когда ты понесешься на нечестивых, говори: "Аллах велик!" – эти слова лишают неверных защиты".

Потом старец дал Гарибу стальную дубину весом в сто, ритлей и с десятью кольцами, – когда несущий дубину взмахивал ею, эти кольца гремели, точно гром, – и дал ему меч, выкованный из молнии, длиною в три локтя, а шириною в три пяди, – если ударить им скалу, ее рассечешь пополам, а также дал ему кольчугу, щит и свиток и сказал: "Иди к твоим людям и предложи им кедам".

И Гариб вышел, радуясь исламу, и шел до тех пор, пока не достиг своих. И те встретили его приветом и спросили: "Что задержало тебя вдаль от нас?" И Гариб рассказал им обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и предложил им ислам, и все они предались Аллаху и проспали ночь до утра. И тогда Гариб сел на коня и поехал к старцу проститься, а простившись, он уехал и ехал до тех пор, пока не достиг своих. И вдруг появился всадник, закованный в железо, так что видны были лишь уголки его глаз, и понесся на Гариба и сказал ему: "Скидывай то, что есть на тебе, о обломок арабов, а иначе я вергну тебя в погибель!" И Гариб понесся на него, и произошел между ними бой, который делает седым младенца и плавит своим ужасом каменную скалу, и бедуин приподнял покрывало, и вдруг оказалось, что это – Сахим–аль–Лайль, брат Гариба по матери, сын Мирдаса!

А причиной его выезда и прибытия в это место было вот что. Когда Гариб отправился к горному гулю, Сахим был в отсутствии, и, вернувшись, он не нашел Гариба. Он вошел к своей матери и увидал, что она плачет, и спросил ее, в чем причина ее плача, и она рассказала ему о том, что случилось, и об отъезде его брата. Сахим не дал себе времени отдохнуть и, надев боевые доспехи, дел на коня и ехал, пока не приехал к своему брату. И случилось между ними то, что случилось. И когда Сахим открыл лицо, Гариб узнал его и пожелал ему мира и спросил: "Что побудило тебя на это?" И Сахим ответил: "Желание, чтобы ты узнал мой разряд в сравнении с тобой на боевом поле и мою силу в бою мечом и копьем.

И они поехали, и Гариб предложил Сахиму ислам, и Сахим предал себя Аллаху, и они ехали до тех пор, пока не приблизились к долине. И когда горный гуль увидал пыль от коней этих людей, он сказал: "О дети, садитесь на коней и приведите мне эту добычу". И пять сыновей его сели на коней и поехали к людям Гариба. И когда Гариб увидал, что эти пять амалекитян бросились на него, он ударил пяткой своего коня и крикнул: "Кто вы, какой вы породы и чего хотите?" И выступил вперед Фальхун, сын Садана, гуля с гор, а это был старший из его сыновей, и сказал: "Сходите с коней и скрутите друг другу руки, мы погоним вас к нашему отцу, чтобы он одних из вас изжарил, а других сварил. Он уже долгое время не ел сына Адама".

И Гариб, услышав эти слова, понесся на Фальхуна и взмахнул своей дубиной так, что кольца на ней загремели, точно грохочущий гром, и Фальхун оторопел, а Гариб ударил его дубиной. А этот удар был легкий и попал ему между лопаток, и Фальхун упал, словно высокая пальма. И Сахим с несколькими людьми бросился на Фальхуна и связал его, а потом они повязали ему вокруг шеи веревку и потащили, словно корову. И когда братья Фальхуна увидели, что их брат – пленник, они бросились на Гариба, но тот взял в плен еще троих, а последний сын гуля умчался и бежал до тех пор, пока не вошел к своему отцу.

"Что позади тебя и где твои братья?" – спросил Садан. И его сын ответил: "Их взял в плен мальчик с еще неначерченным пушком, но он вышиной в сорок локтей".

И, услышав слова своего сына, Садан, горный гуль, сказал: "Да не бросит солнце на вас благословения!" А затем он вышел из крепости, вырвал большое дерево и пошел искать Гариба и его людей, идя пешком, так как кони не несли его из–за огромности его тела. И его сын последовал за ним, и они шли, пока не приблизились к Гарибу, и Садан бросился, без слова, на его людей и, ударив их деревом, размозжил пять человек. И он бросился на Сахима и ударил его деревом. Но Сахим уклонился, и удар пропал попусту. И тогда Садан рассердился, отбросил дерево и, ринувшись на Сахима, схватил его, как ястреб хватает воробья. И когда Гариб увидел, что его брат в руках Садана, он закричал: "Аллах велик! О сан Ибрахима, друга Аллаха и Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестьсот двадцать девятая ночь

Когда же настала шестьсот двадцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Гариб увидал своего брата пленником в руках Садана, он закричал: "Аллах велик! О сан Ибрахима, друга Аллаха и Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует!" И, повернув своего коня в сторону горного гуля, взмахнул дубиной так, что кольца на ней зазвенели. И Гариб воскликнул: "Аллах велик!" И ударил Садана дубиной по ряду его ребер, и тот упал на землю, покрытый беспамятством, и Сахим выскользнул из его рук. И Садан очнулся не раньше, чем его скрутили и заковали, и, когда его сын увидел его в плену, он повернулся, убегая, но Гариб погнался за ним, и ударил его дубиной между лопаток, и сын гуля упал со своего коня, и Гариб скрутил его и положил рядом с братьями и отцом, и их крепко связали веревками и поволокли, точно верблюдов. И воины ехали, пока не достигли крепости, и они нашли ее наполненной всяким добром, имуществом и редкостями, и нашли там тысячу двести персов, связанных и закованных. И Гариб стал на престол гуля с горы – а он принадлежал раньше Сасу, сыну Шиса [525], сына Шеддана, сына Ада – и поставил своего брата Сахима от себя справа, и его приближенные стали справа и слева.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А после этого он велел привести Садана, гуля с горы, и спросил его: "Каким ты себя видишь, о проклятый?" И Садан отвечал: "О господин, я в сквернейшем положении, в унижении и в умопомрачении. Я и мои дети связаны веревками, точно верблюды". – "Я хочу, – сказал Гариб, – чтобы вы приняли мою веру, то есть веру ислама, и объявили единым владыку всеведущего, создателя света и мрака и создателя всякой вещи (нет бога, кроме него, владыки судящего!), и признали бы пророческий сан друга Аллаха Ибрахима–мир с ним!"

И приняли ислам Садан, гуль с горы, и его дети, и был ислам их прекрасным, и Гариб велел их развязать, и их освободили от уз. И тогда Садан–гуль заплакал и припал к ногам Гариба, целуя их, и его дети также, но Гариб удержал их от этого, и они встали вместе со стоящими. И Гариб сказал: "О Садан!" И Садан отвечал: "К твоим услугам, о владыка!" И Гариб спросил: "Каково дело этих чужеземцев?" – "О владыка, – отвечал Садан, – это моя дичь из стран персов, и они не одни". – "А кто же с ними?" – спросил Гариб. "О господин, – молвил Садан, – с ними дочь царя Сабура, царя персов, по имени Фахр–Тадж, и с нею сто невольниц, подобных лунам".

И Гариб, услышав слова Садана, изумился и спросил: "Как ты до них добрался?" И Садан отвечал: "О эмир, я выехал на охоту с моими сыновьями и пятью рабами из моих рабов, но мы не нашли по дороге дичи. И мы разъехались по степям и пустыням и оказались в одной стране из земель персов, и мы кружили, ища добычи, чтобы ее захватить и не вернуться обманувшимися. И показалась перед нами пыль, и мы послали раба из наших рабов, чтобы он узнал истину, и раб скрылся на некоторое время, а затем вернулся и сказал: "О владыка, это царевна Фахр–Тадж, дочь царя Сабура [526], царя Персов, турок "и дейлемитов, а с нею две тысячи всадников, и они едут". И я сказал рабу: "Ты возвестил о благе – нет добычи; больше такой Добычи!" И потом я с моими сыновьями понесся на персов, и мы убили из них триста всадников и взяли в плен тысячу двести и захватили дочь Сабура и то, что было с нею из редкостей и богатств, и привезли их в эту крепость".

"И Гариб, услышав слова Садана, спросил его: "Совершил ли ты с царицей Фахр–Тадж грех?" И Садан отвечал: "Нет, клянусь жизнью твоей головы, клянусь той верой, которую я принял!" – "Ты поступил хорошо, о Садан, сказал Гариб, – ее отец–царь земли, и он обязательно соберет и пошлет за ней войска и разрушит страну тех, кто ее захватил. А кто не обдумывает последствий, тому судьба не друг. Где же эта девушка, о Садан?" – отвел ей и ее невольницам отдельный дворец", – ответил Садан. "Покажи мне это место", – сказал Гариб. И Садан ответил: "Слушаю и повинуюсь!" И Гариб с Садан–гулем встали и шли, пока не пришли ко дворцу царевны Фахр–Тадж. И они нашли ее печальной, униженной и плачущей после величия и изнеженности. И когда взглянул на нее Гариб, он подумал, что месяц от него близко, и он возвеличил Аллаха, всеслышащего, премудрого, а Фахр–Тадж, взглянув на Гариба, увидела, что это могучий витязь, и доблесть блистала меж его глаз, свидетельствуя за него, а не против него. И царевна поднялась перед ним и поцеловала ему руки, а после рук припала к его ногам и сказала: "О богатырь нашего времени, я под твоей защитой! Защити меня от этого гуля; Я боюсь, что он уничтожит мою девственность и после этого съест меня. Возьми меня служить твоим рабыням". – "Ты в безопасности, пока не достигнешь страны твоего отца и места твоего величия", – сказал. Гариб. И царевна пожелала ему долгой жизни и славного возвышения.

И Гариб велел развязать персов, и их развязали а потом он обратился к Фахр–Тадж и спросил ее: "Что привело тебя из твоего дворца в эти пустыни и степи, так что тебя взяли разбойники?" – "О владыка, – ответила царевна, – мой отец и жители его царства и стран турокдейлемитов и магов поклоняются огню, вместо всевластного владыки. У нас, в нашем царстве, есть монастырь, называемый Монастырем Огня. И в каждый праздник там собираются дочери магов и огнепоклонников и остаются там месяц, на все время праздника, а потом возвращаются в свои земли. И я выехала по обычаю с моими невольницами, и отец послал со мною две тысячи всадников, чтобы меня охранять, и на нас напал этот гуль и убил часть моих людей, а остальных взял в плен и заточил в этой крепости. Вот что случилось, о доблестный храбрец, да избавит тебя Аллах от превратностей времени". – "Не бойся, я доставлю тебя во дворец, к месту твоего величия", – сказал Гариб. И девушка благословила его и поцеловала ему руки и ноги.

А потом Гариб вышел от нее и велел оказывать ей уважение. И он проспал эту ночь, а когда настало утро, он поднялся и совершил омовение и молитву в два rakata согласно вере отца нашего, друга Аллаха, Ибрахима мир с ним! И то же сделали гуль и его сыновья, и все люди Гариба помолились за ним. А потом Гариб обратился к Садану и сказал ему: "О Садан, не покажешь ли ты мне Долину Цветов?" – "Хорошо, о владыка", – отвечал Садан. И потом Садан с сыновьями, и Гариб со своими людьми, и царевна Фахр–Тадж со своими невольницами поднялись и все вышли, и Садан приказал своим рабам и рабыням резать животных и стряпать обед и подать его среди деревьев. (А у него было сто пятьдесят невольниц и тысяча рабов, которые пасли верблюдов, коров и баранов.) И Гариб со своими людьми поехал в Долину Цветов, и, увидав ее, Гариб нашел в ней редкостные растения, росшие купами и отдельно, и птиц на ветвях, распевавших разные напевы, и соловей повторял звуки напевов, и горlinkка, создание всемилостивого, наполняла своим голосом местность..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до шестисот тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до шестисот тридцати, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Гариб со своими людьми и гуль со своими людьми отправились в Долину Цветов, Гариб увидел там птиц и в числе их – горlinkку, создание всемилостивого, которая наполняла своими песнями местность, и соловья, щебетавшего прекрасным голосом, как человек, и дрозда, описывать которого устанет язык, и вяхиря, что волнует своими звуками человека, и голубя, которому отвечает ясным голосом попугай, и плодоносные деревья, имевшие всякого плода по паре, и гранаты на ветвях – кислые и сладкие, и абрикосы – миндальные и камфарные, и хорасанский миндаль, и сливы, ветки которых переплетались с ветками ивы, и апельсины, подобные огненным факелам, и толстокожие лимоны, сгибающие ветки, лимоны сладкие – лекарство для всякого, кто не ест, и кислые, что излечивают от желтухи, и финики – красные и желтые – создание Аллаха, великого саном. И о подобном этому говорит стихотворец, безумно влюбленный:

Когда птица там заливается своей песенкой,

Влечет туда влюбленного с зарею.

Ведь подобен он саду райскому, благовонному

Там тень, плоды и струи вод текучих.

И Гарибу понравилась эта долина, и он приказал поставить там шатер Фахр–Тадж, дочери Хосроев, и его поставили среди деревьев и устлали роскошными коврами.

И Гариб сел, и им принесли кушанье, и они ели, пока не насытились, а потом Гариб сказал: "О Садан!" И когда тот ответил: "Я здесь, о владыка!" – он спросил: "Есть у тебя какое–нибудь вино?" – "Да, у меня полный водоем старого вина", – ответил Садан. "Принеси нам сколько–нибудь", сказал Гариб. И Садан послал десять рабов, и они принесли много вина, и все стали пить и наслаждаться и веселиться.

И Гариб пришел в восторг и вспомнил Махдию и произнес такие стихи:

"Я вспомнил день близости, когда возле вас я был,

И сердце взволновано огнем увлечения.

Аллахом клянусь, что вас покинул не волей я.

Превратности времени поистине дивны.

Привет от меня и мир, и тысячу раз привет!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Поистине изнурен я ныне и скорбен".

И они ели, и пили, и развлекались три дня, а потом вернулись в крепость, и Гариб позвал Сахима, своего брата, и когда тот явился, сказал ему: "Возьми с собою сотню всадников и отправляйся к твоему отцу, матери и родичам – сынам Кахтана, и приведи их сюда, чтобы они здесь жили всю остальную жизнь. А я поеду в земли персов с царевной Фахр–Тадж к ее отцу. А ты, о Садан, оставайся с твоими сыновьями в этой крепости, пока мы к тебе не вернемся". – "А почему ты не берешь меня с собою в земли персов?" – спросил Садан. И Гариб сказал: "Потому что ты взял в плен дочь Сабура, царя персов, и когда упадет на тебя его глаз, он поест твоего мяса и попьет твоей крови".

И, услышав это, Садан, гуль с горы, засмеялся громким смехом, подобным грохочущему грому, и воскликнул: "О владыка, клянусь жизнью твоей головы, если б собрались против меня персы и дейлемиты, я бы, право, напоил их напитком гибели" – "Это так, как ты говоришь, но сиди в своей крепости", пока я к тебе не вернусь", – сказал Гариб. И Садан ответил: "Слушаю и повинуюсь!"

И Сахим уехал, а Гариб отправился в страну персов, и с ним были его люди из; сынов Кахтана. И он поехал с царевной Фахр–Тадж и ее людьми, и они двинулись, направляясь в города Сабура, царя персов, и вот что было с ними.

Что же касается царя Сабура, то он ожидал приезда своей дочери из Монастыря Огня, но она не вернулась, и обычный срок прошел, и запылал в его сердце огонь. А у него было сорок везирей, и самым старым, знающим и сведущим из них был везирь по имени Дидан, и царь сказал ему: "О везирь, моя дочь задержалась, и не дошло до нас о ней сведения, а срок прибытия миновал. Пошли гонца в Монастырь Огня, чтобы он узнал причину задержки". И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" А потом он вышел и, позвав начальника гонцов, сказал ему: "Отправляйся сейчас же в Монастырь Огня".

И гонец выехал и ехал, пока не достиг Монастыря Огня. Он стал расспрашивать монахов о царской дочери, и те сказали: "Мы не видели ее в этом году". И тогда гонец вернулся по своим следам и, достигнув города Исбанира [527], вошел к везирию и осведомил его о том, что было. И везирь вошел к царю Сабуру и доложил ему, и перед царем поднялось воскресение, и он бросил свой венец на землю, выщипал себе бороду и упал на землю без чувств. И на него побрызгали водой, и он очнулся с плачущими глазами и опечаленным сердцем и произнес такие стихи:

"Когда я призвал терпенье после тебя и плач,

Охотно ответ дал плач, терпенье же не дало.

И если заставила судьба разлучиться нас.

Обычай судьбы таков, измена – черта ее".

А затем царь призвал десять эмиров и велел им сесть на коней с десятью тысячами всадников и чтобы каждый отправился в один из климатов искать царевну ФахрТадж. И они сели на коней, и отправились со своими людьми в один из климатов. Что же касается матери Фахр–Тадж, то она и ее невольницы облачились в черное, рассыпали пепел и сидели, плача и причитая.

Вот что было с этими..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.